

АТАГАМ

Два глупца в океане

Рассказ

Прошло три дня, как мы покинули порт Дуррес. Мне порядком надоело стоять на палубе и смотреть на море. Днем еще куда ни шло; я разговаривал с Михаем, а когда уставал, мог коротать время в трюме с ребятами, которые, попивая пиво, с шумом и гамом играли в карты. А вот ночи проходили медленно, как в дни войны. Если честно, у меня не было денег, чтобы играть, и я просто стоял в стороне, наблюдая за процессом...

Чтоб попасть на это судно, я, продав свой тар, шелковый ковер, подаренный сослуживцами на мое тридцатилетие, желтого лабрадора по кличке Сариджа, завещанного татаркой, сдававшей мне комнату в Сабунчи, и еще свой гидрокостюм, кое-как собрав деньги на дорогу в Приштину и семьсот долларов, которые запросил Африм Далипи.

Когда нес на продажу резные работы по дереву, подаренные мне убитым в Дашалты двоюродным братом, я так переживал, что мне пришлось остановиться и несколько раз глубоко вдохнуть, чтобы сдержать подступившие слезы. Мне предложили продать и его стихели, но у меня рука не поднималась. Мои книги никто не купил. Кто теперь читает на кириллице? Поэтому я прилично задолжал.

Прежде чем подняться на судно, я обменял на лекё¹ оставшиеся у меня в кармане пятнадцать долларов, купил на них пятикилограммовый мешок сухарей, воду, сигареты, плавленый сыр и лимонад, как замену сладкого чая. Всего этого мне должно было хватить на десять дней плавания. Когда Африм горами через Призрен вел меня в Кукес и затем в Тирану, по дороге клялся и божился, что нет никакой опасности. «Зоти² Туран, – усмехался Африм, пересчитав семь бенджей³ и запихав их в нагрудный карман пиджака, – не беспокойся, клянусь Аллахом: я уже пять лет переправляю людей этим путем. Через десять дней, самое позднее, вы все в целостности и сохранности доберетесь до Ньюфаундленда⁴. А оттуда, – он вознес руки к небу как во время молитвы, – кисмет⁵, два шага до Онтарио».

Я верил Африму. Теперь я был вынужден верить всем. Все сомнения я запер внутри так глубоко, что и сам не мог добраться.

«Мое дело – доставить вас на своем траулере до Мадейры⁶, а там, пересадив на сухогруз, отправить в Ньюфаундленд», – так, отхлебывая эспрессо в баре гостиницы «Тефай» в центре Тираны, Африм разъяснял предстоящее десяти будущим спутникам, давая последние указания. Надежда тонула в страхе в наших глазах. «Мире⁷, ррегул⁸, я пошел, увидимся завтра в Дурресе», – встал Африм, допив свой

¹ Лек(ё) – денежная единица Албании.

² Зоти (алб.) – господин.

³ Бенджи – намек на Бенджамина Франклина на 100-долларовой купюре.

⁴ Ньюаундленд (Newfoundland) – остров в Атлантическом океане, принадлежащий Канаде.

⁵ Кисмет (алб.) – судьба.

⁶ Мадейра (Madeira) – остров в Атлантическом океане, принадлежащий Португалии.

⁷ Мире (алб.) – хорошо, есть.

⁸ Ррегул (алб.) – есть, в порядке.

кофе. «Фалемендерит¹, зоти Далипи», – попрощались мы с ним, И, высунув головы в окна бара, провожали его взглядами, пока он не скрылся за углом.

В тот вечер Африм казался мне могущественным чудотворцем...

Расставшись с парнями, я вернулся в расположенное по дороге в аэропорт Ринас касолле², где я, по совету Африма, остановился за триста лекё в сутки.

Дул легкий ветер. Волны мерно раскачивали судно. Я прислонился к висящему на крюке слева от капитанской рубки оранжевому спасательному кругу – к «непотопке», как называли его мои бывшие товарищи-спасатели в Пиршаги. Для прочности уперся ногами в вентиляционные трубы трюма. Наглухо застегнув дождевик, надел капюшон и завязал шнурки. Внимательно рассмотрел себя в окне капитанской рубки. Видны были только мои глаза. Дождевик напоминал кадаверный мешок, в который мы заворачивали трупы товарищей, подорвавшихся на mine.

Африм Далипи, потягивая пиво, о чем-то по-албански спорил со своим раздраженным помощником, который крепко держал штурвал.

Волны временами переваливали за борт и заливали палубу. Чтобы не замочить ног, я каждый раз хватался за непривязанный спасательный круг и запрыгивал на прикрепленный к полу компрессор.

Траулер был очень старый. Мох покрывал ржавую обшивку, и мне кое-как удалось в порту прочитать название «Анвар Ходжа». Позади судна с обоих барабанов свисали сгнившие остатки сетей. Стены трюма были пропитаны вьевшимся запахом рыбы.

Мы приближались к Гибралтарскому проливу. Этой ночью нам предстояло миновать Тарифу³ и выйти в открытый океан...

За первый день пребывания на судне я очень устал. По указанию Африма каждый из нас выбрал себе место. Как только я спустился по трапу в трюм, облюбовал угол, на левой стене которого было написано «Аллаху-Акбар» на арабском и несколько имен, которые я не смог прочитать. Трюм делился на две части: справа вдоль стены были расставлены прикрепленные к полу деревянные шконки, слева – большие закрытые пластиковые баки, привязанные к стене резиновыми ремешками. Я хотел выяснять, что находится внутри баков, но усталость одолевала, и я, накинув на плечи шерстяной свитер из сумки, прилег на деревянные доски и задремал.

– Эй, – кто-то коснулся моего плеча, – вставай, ужинаем, присоединяйся к нам.

– Спасибо, не голоден, – ответил я с закрытыми глазами.

Я хотел есть, но сон был слаще. Еще надеялся сэкономить на одном приеме пищи.

На следующее утро я проснулся от шума. Вонь от рыбы смешивалась с запахом пота, пива и сигарет. Оставаться в трюме было невыносимо. Едва открыв глаза, я поднялся на палубу. Хотя море казалось спокойным, небо было подернуто тучами. Сердце сжалось от тревожного предчувствия. Я зажег сигарету.

Вскоре ребята по одному поднялись на палубу. Я поговору различал сербов, болгар, молдавских румын, однако никак не мог угадать национальность болезненно худого человека с кудрявыми волосами до плеч. Он не вмешивался в разговор, затягивал сигарету за сигаретой, стоял и смотрел в одну точку. Периодически закашливался до посинения, тихо и сердито ругал кого-то на своем языке. Часто трогал

¹ Фалемендерит (алб.) – спасибо.

² Касолле (алб.) – хижина.

³ Тарифа (алб.) – небольшой прибрежный городок на юге Испании.

рукой кожаный мешочек, висевший на поясном ремне. Ребята пару раз подтрунивали над этим мешочком. «Смотри за деньжатами, – посмеивались они, – а то придем к тебе в Онтарио брать в долг». Пару раз они попытались разговаривать с ним, но не получили от него ничего вразумительного, кроме дыма сигареты, который он безразлично выпускал в воздух.

Когда все поднявшиеся на палубу, прислонившись к железной защитной ограде рядом со мной, пили недопитое пиво, кучерявый, бросив окурочек в море, зажег новую сигарету и двинулся вправо от капитанской рубки. Почему-то мне вдруг захотелось познакомиться с ним. Казалось, мы были ровесниками. Может, смуглость его кожи привлекала меня. Видимо, человек в горе испытывает нужду в общении с другим человеком, у которого еще больше горя.

– A jeni shqiptare? – подойдя к нему, я спросил, не албанец ли он. На самом деле, узнав, кто он, я бы сориентировался, кем буду я сам. Если бы он, сказав «ро, unë jam shqiptare», подтвердил, что он албанец, мне пришлось бы туго, так как я хотел выдать себя за албанца. Я даже выбрал себе имя – Самет. Самет Тачи. И просил Африма называть меня не Тураном Меликли, а Саметом Тачи.

Когда я услышал это имя в Тиране, в квартале, где находилось мое касолле, я вспомнил моего одноклассника Самеда. В 93-м он был ранен в бою под Гадрутотом и взят в плен. Когда весть о том, что в вены Самеда ввели керосин и он был убит, распространилась в Джебраилском районе, его отец Ислам-киши потерял рассудок. Мы, одноклассники Самеда, избегали встреч с Ислам-киши: нам было стыдно, что еще живы. Но избежать не всегда удавалось.

Однажды, когда я поднялся вверх к дому по огороженной с обеих сторон узкой улочке квартала Галалы, неожиданно появившись передо мной, Ислам-киши воскликнул: «Самед, сынок!» и, припав ко мне, долго не отпускал. Теперь, взяв имя Самеда себе, я как будто продлил ему жизнь ...

– Нет, – сказал по-английски кучерявый, покачивая головой, – рома.

– Рома?! – удивился я. Итальянцу не было никакой необходимости ехать в Канаду нелегально. Подумав, что он, возможно, румын, снова спросил его:

– Ты итальянец или румын?

– Нет, – улыбнулся он, – ах, если бы я был итальянцем, не знал бы горя! – по-английски он произносил все глаголы в неопределенной форме. – Не румын я, – он снова зажег сигарету, – я рома. Ромале, да, да, ромале... Цыган!

Он закашлялся. Я взял его за руку и постучал по спине. Это помогло. Глядя на меня, он качал головой и улыбался.

Я слышал, что цыгане стыдились своей национальности, поэтому хотел улыбкой выразить ему свое особое расположение. На самом деле искренне улыбаться было совсем не трудно, ведь я очень обрадовался, что он не албанец. Мне не придется выдумывать себе новое имя.

– Цыгане очень умелые, – польстил я, чтобы заполнить его сердце, – у вас отличные песни.

Он немного помолчал.

– Софья Ковалевская, Антонио Соларио, – стараясь угодить ему, я называл имена запомнившихся мне цыганских знаменитостей, – уже не говорю о Чарли Чаплине.

– Чарли Чаплин, кажется, еврей. – сказал он, сделав глубокую затяжку.

– Нет, все думают, что он еврей, но он настоящий Ромале! Он родился в Вест-Мидленде, в цыганском караване. Я точно знаю!

– Может быть, – покачал цыган головой, – смешной человек, мне тоже нравится.

«Придурок!» – подумал я. Даже не знает сливок своего народа. Пустой человек, глупец. К черту, какое мне дело до него.

– Самет Тачи, – представился я и протянул ему руку.
– Михай Поллак, – он тоже протянул руку, – я из Словакии, – он подержал мою руку в своей и добавил: – Не говорите ребятам, что я цыган. Пожалуйста!
Мне стало жалко его. Я крепко сжал его руку:
– Не беспокойтесь, не скажу. Если вдруг спросят, скажу, что словак.
Он обрадованно закивал.

Мы долго разговаривали. На самом деле я говорил, а он слушал. Я изложил ему легенду, которую сочинил о себе несколько месяцев назад, а потом забавлял его смешными историями, как будто бы приключившимися со мной во время моей работы в газете «Коха Йоне»¹.

До вечера следующего дня нашего путешествия мы дружески общались с Михаем. Я развивал выдуманную легенду. А он, в свою очередь, долго рассказывал о своем поселке, где он жил с женой Кристиной и пятилетней дочкой Жасмин, о том, как в детстве взбирался по стенам замка Зволен, как ежедневно с друзьями затевали драки в чешском квартале, как купались в реке Хрон, как сфотографировались с Феро Велеки².

Ночью я спал очень плохо. Голова жутко гудела. Во сне все летел над заросшими кустами и тутовыми садами. Мне были знакомы эти места, но никак не мог понять, где нахожусь.

Я проснулся. Все спали. Был слышен храп Михая. Я тихонько встал, вслепую нащупал перила трапа. Поднявшись на палубу, прислонился к ограждению. До восхода солнца оставалось немного. Море было спокойным. Издалека виднелись мерцающие огни, слегка вибрирующие силуэты перевернутых в воде танкеров, сухогрузов, каботажных лайнеров, плывущих к Гибралтарскому проливу и обратно. Как же еле уловимое журчание волн было похоже на шелест листьев чинары на рассвете!

Я вспомнил наш дом в Джебраиле. «Интересно, хотя бы стены уцелели? Как же мы радовались, когда расцвели наши новые саженцы! Говорят, они срубают деревья и уносят с собой. Я не верю. Спилить столько деревьев? Хотя... нет, если проедутся на танке вдоль и поперек... Они ведь были такими хрупкими...»

Я присел, ухватившись за леерную стойку. Как ни старался, не мог сдержать слез. Нет в жизни ничего проще, чем плакать в темноте и одиночестве.

Я подождал, пока ребята поднялись на палубу, и спустился в трюм. Там сел, прислонившись головой к стене. Чтобы убить время, стал мысленно вычислять объем трюма, где десятилетиями умирали тысячи рыб, попавших в сеть.

Я ощутил себя глупцом, безмозглым, как рыба. И горечь опять сдавила мне горло.

Я попытался уснуть, закутав голову шарфом.

«Спать! Надо спать до тех пор, пока судно не пройдет в пролив и не выйдет в океан!»

– Эй, Самет! – кто-то несколько раз осторожно ударил меня по спине. – Ты спишь? – это был Михай.

Я сел, разматывая шарф.

– Поднимемся на палубу, – сказал Михай, выдохнув в сторону дым сигареты.

– Устал я, спать хочу.

– Вставай, мы заходим в пролив, пойдем, посмотрим.

– Ладно, ты иди, я сейчас поднимусь, – сказал я и снова попытался уснуть.

¹ «Коха Йоне» (Koha Jonë) – Газета в Тиране («Наше время»).

² Феро Велеки (František Velecký) – Словацкий киноактер.

К вечеру подул сильный северный ветер. Судно мотало из стороны в сторону. Тошнило, болела голова. Я боялся, что начнется морская болезнь.

Через полчаса все находившиеся в трюме, держась за животы, начали выполнять на палубу. Я тоже поднялся. Африм провожал на корму тех, кого тошнило. Ведя их обратно, подтрунивал, дружески хлопая их по плечу: «Теперь ты полностью готов к эмиграции, в тебе ничего не осталось от родины, ты совершенно чистый!»

Волны сердито вздымались и опадали, разбиваясь о нос судна. Казалось, Гибралтар заключил тайную сделку с Атлантическим океаном: пролив, проглатывая судна, отправлял их в желудок океана, а океан своими пенистыми волнами должен был размягчить их для переваривания.

– Ээй, лоботрясы! – заорал Африм, высунув голову из капитанской рубки. – Если вы еще способны развлечься со сладкоречивыми онтарийскими девушками, все быстро в трюм, иначе рухнете в воду на корм акулам.

Парни, разгоряченные его обещаниями, послушно скатились в трюм.

Бушующие волны Средиземного моря с силой ударялись о железный корпус судна. Звуковые волны проникали через стены трюма и, отражаясь от стен, наполняли его, создавали внутри жуткий гул. Наши мольбы Богу на разных языках из шепота переросли в истерический крик и смешались. Спустя время это вавилонское смешение перешло в плач. Михай и я в ужасе смотрели друг на друга, вцепившись в служившие нам кроватями деревянные шконки, пытаюсь защитить головы от ударов о железную стену корпуса.

В полночь высота волн снизилась, уменьшилась и их сила. Как стадо антилоп, торопящееся к воде, мы, ринувшись на палубу, прикурили и с жадностью стали вдыхать дым. Бурно текущая пена из открывающихся подряд пивных банок смешивалась с соленой водой ледяных брызг.

– Этой ночью мы проходим Тарифу и выходим в океан! – мы встретили торжественное заявление Африма веселым чоканьем банок. Сербы принесли из трюма еще два ящика пива и поставили посередине. Один из них тут же был опустошен. Преодолев многочасовой страх и расслабившись после сигарет и выпитого, ребята, спустившись в трюм, улеглись спать. Мы с Михаем сели рядом на палубе. Пиво подействовало на нас обоих. Отрывисто говорили о том, о сём. Распив по три банки, мы позабыли и об урагане, до смерти напугавшем нас всех пару часов назад, и о людях, одолживших нам денег, благодаря которым мы оказались здесь и сейчас. Жизнь была прекрасной, как будто мы не плыли незаконно на дряхлом траулере в Канаду, а отправились в путешествие на круизном лайнере на Гавайские острова. Еще вчера неразговорчивый Михай трещал без умолку; о капризах пятилетней Жасмин, о приятных днях, проведенных с женой Кристиной, о том, что собирается вызвать их к себе, как только доберется до Канады. Иногда он забывался и начинал описывать, как они с женой занимались любовью. Чтобы не слышать его, я смотрел на огромные корабли в нескольких милях от нас. Рассказ Михая, как он собирал деньги, чтобы убежать в Канаду, как делал фальшивые документы, как познакомился с Афримом, не интересовал меня: проигравшие жизнь, дрожа, проходят одними и теми же тропами, дыша одинаковым воздухом, наполняясь схожими чувствами.

Поздно ночью мы, едва держась на ногах, спустились в трюм. Пожелав друг другу спокойной ночи, мы рухнули на кровати.

– Самееееет! Самееееетии! – кто-то громко кричал, так что голос отдавал эхом в трюме. Мне казалось, что я сплю и слышу, как Ислам-киши, стоя каждый вечер на сопке в Междуречье, лицом к вражескому селу Аракюль, зовет своего сына Самеда.

– Михааай! Михаааай!!! – Тураааан!!! – доносились голоса. Звали то Михая, то меня. Поразило, что кричали мое настоящее имя.

Я содрогнулся. Открыл глаза. Через похожее на дымоход отверстие в середине трюма солнечные лучи освещали помещение. Я не понимал, что произошло. Хотел подняться, но не смог. Сильно ударился головой о бак. Чтобы убедиться, что не сплю, больно ущипнул себя за руку. Вставая, отлетел к баку. Михай лежал немного поодаль.

– Михай, Михай, – тормошил я его за плечо, – зачем ты спишь здесь?

Он открыл глаза, попытался встать, облокотившись о пол, но не смог. Пол был сильно накренен. Я оглянулся вокруг: в трюме, кроме нас с Михаем, никого не было

– А где ребята? – сонно спросил Михай.

У него начался приступ кашля. Кашлял до изнеможения. Когда, наконец, он смог перевести дух, вопросительно уставился на меня.

– Не знаю, – сказал я. – Кто-то нас звал. Я ясно слышал наши имена. Вставай! Надо подняться на палубу.

– Может, мы утонули? – в ужасе заорал Михай.

Я видел Михая, слышал, что он кричит, но голос был как будто не его. Кое-как поднявшись, я привалился к стене. По-другому удержаться на ногах было невозможно. Протянув руку, помог подняться Михаю.

– Иди, поднимайся ты первым, – сказал я.

Он был очень слабым. Я боялся, что он поскользнется и упадет с крутого, как пожарная лестница, трапа. Когда, поддерживая Михая и подталкивая его вперед, кое-как поднялся на палубу, я был поражен: нос судна подрезал горизонт, а кормовая часть была в воде до капитанской рубки. Барабаны были затоплены. Волны раскидали по палубе сгнившие сети. Осторожно, чтобы не запутаться в них, мы передвигались по палубе. Наконец, вцепившись двумя руками в леера, мы уставились друг на друга. В глазах Михая метался животный страх, да и я, очевидно, не являл собой эталон безмятежности.

– Михаааай!... Турааан!

Мы не могли понять, откуда раздавались голоса.

– Послушай, – сказал я дрожавшему Михаю, – стой, не двигайся. Я попробую пробраться на нос судна: поищу ребят.

Перехватываясь за стойки ограждения, я кое-как дополз до задранного носа траулера и увидел бесконечный океан, сверкающий в лучах восходящего солнца. В полумиле две битком забитые спасательные шлюпки быстро отгребали от нас. Ребята старались изо всех сил. Словно солнце, окрашивающее океан в золотое свечение, вспыхнуло в моем мозгу.

Мне все стало ясно. Я не мог сообразить, что предпринять. В лодках не было мест. Один парень болтался в спасательном круге, держась рукой за борт второй лодки. Невольно я стал звать Африма. Голос звучал сдавленно. Я кричал снова, снова и снова. Наконец, они услышали меня.

– Отплывайте от судна! ... Оно тоне-е-е-ет!

Это были единственные их слова, что нам удалось расслышать.

– Что случилось? Они спасут нас? – с надеждой спросил Михай, когда я, цепляясь за леера, добрался до него.

– Нет!!! Эти идиоты бросили нас и убежали!

Его затрясло.

– Не расстраивайся, брат, – одной рукой обнял его, – мы тоже спасемся!

Михай обнял меня.

– Нет, не они бросили нас! Мы сами проспали! – рыдал он.

– Ладно, перестань, – встряхнул я его, – очнись. Судно затонет, и нас затянет с собой! Нам нужно быстро выбираться отсюда!

Михай еще крепче вцепился в меня:

– Я не умею плавать, Туранджан. Не бросай меня!

– Ну, о чем ты! Михай, мы спасемся вместе! – хоть я растерялся, когда он назвал меня настоящим именем, но взял себя в руки и попытался подбодрить его.

– Слава Богу, что эти мерзавцы не утащили оба спасательных круга, – дружески похлопывая Михая по плечу, успокаивал я его.

Но терять время было невозможно: дифферент на корму на глазах усиливался.

Оторвав его руку от себя, я велел Михая крепко держаться за ограждения, а сам по пояс в воде добрался до капитанской рубки, где на крюке висел уже наполовину затопленный спасательный круг. Вода была ледяная. Жгучий холод пробирал до самых костей. Кое-как сдернув спасательный круг, я вернулся назад к Михая.

– Не бойся, с кругом мы не утонем! – сказал я, продевая его руку в отверстие. – Я сейчас поплыву, а ты немедленно следуй за мной, понятно?! Не выпускай круг из рук! Быстрее, Михай, судно тонет! ... Мы утонем!

Михай, просунув ноги за железные опоры ограждения, двумя руками схватился за спасательный круг.

– Туранджан, а как же наши документы?!

– К черту документы! – заорал я, в бешенстве тыча в спасательный круг. – Теперь вот это все наши документы, понимаешь?

Перевалившись через ограждение, я прыгнул в воду и поплыл от судна. Первый раз в жизни я возненавидел океан.

Михай, обняв спасательный круг, что-то быстро говорил. Наверное, молился.

– Прыгай! Что ты стоишь!? – закричал я, обернувшись. – Всего несколько метров! У нас будет время помолиться! Прыгай!!!

Михай приготовился прыгать, но медлил.

– Может, мне подождать здесь, пока судно не затонет, Туранджан?

– Ты глупец!!! – взбеленился я, четко осознавая, что причина моей ярости была не в трусости Михая, а в том, что он звал меня Туранджан. – Сейчас судно затонет, и водоворот затянет тебя с собой на дно океана, осел ты безмозглый!

– О, Господи, ягненок я твой жертвенный, не дай мне умереть!

Мне стало противно от его молитв. В самые тяжелые моменты я тоже молюсь Богу. В иное время я бы не обратил на это внимания, но сейчас его мольбы хлестнули мне в лицо ледяной водой океана, отрезвляя. Какое же жалкое создание – человек!

– Вдохни глубже и прыгни. Не бойся, я поймаю тебя! Держи круг вертикально, не дай ему выскользнуть из рук!

Михай схватился за перила ограждения. Медленно двигаясь к корме, он пытался приблизиться к поверхности воды. На своем языке жутким криком он звал кого-то; то ли своего Бога, то ли маму... У меня волосы встали дыбом. Я когда-то уже это слышал...

Штанина Михая зацепились за рыболовную сеть. Он шлепнулся на бок в воду. Спасательный круг, выскользнув из его рук, упал рядом. Я с опаской отплыл назад. Михай беспорядочно колотил руками по воде. Боясь тоже попасть в сеть, я попытался подплыть к нему сзади и схватить за волосы, но он все разворачивался ко мне лицом. Рывком я схватил его за ворот рубашки и подтянул к себе. Сеть подвинулась вместе с ним. Чем больше Михай барахтался, как муха в паутине, тем больше он запутывался.

– Не двигайся! – от злости я, схватив Михая за волосы, дернул изо всех сил. – Я тоже запутаюсь!

Михай притих. Я несколько раз попытался содрать петлю с ноги Михая, но не смог.

– Возьми это, разрежь! – из мешка, висевшего на поясе, Михай судорожно вытащил нож, заточенный с двух сторон, и протянул мне. «Нож?! Ах, ты, мерзавец! Так это нож был у тебя?!» – с такими мыслями я все-таки перерезал сеть и потянул Михая в открытый океан.

Поймать спасательный круг оказалось не сложно. Сначала я хотел выбросить нож. Зачем нужен нож в океане?! Но, подумав, что он может пригодиться на берегу, засунул его за пояс. Михай промолчал.

Шлюпок уже не было видно, но я знал, в какую сторону поплыли Африм и ребята; я определил это по солнцу и по положению судна, нос которого еще возвышался над поверхностью воды. Чтобы было легче плыть, я, перевернув Михая на спину, закинул его руку на спасательный круг. Сам тоже, держась одной рукой за круг, начал грести в направлении, куда ушли шлюпки.

Чтобы определить, сколько мы проплыли, я иногда, оборачиваясь, смотрел на судно. Волн не было, поэтому нам удалось отдалиться на расстояние, приблизительно равное футбольному полю.

Когда я обернулся в очередной раз, то увидел, как траулер пошел ко дну, точно тонущий человек, в судорогах дергая носом. Двумя руками держась за круг, я слушал шипение пузырьков, выпускаемых последним дыханием судна. Глаза Михая расширились. Он бормотал что-то себе под нос. Шипение прекратилось. Михай смотрел на меня с безысходностью. Судно умерло... Что-то словно оборвалось внутри меня. Чтобы поскорее отдалиться от места гибели траулера, я снова поплыл.

Я совсем обессилел от нахлынувших чувств. Тащить Михая было тяжело; мы двигались медленно. Меня не покидала мысль уплыть, бросив его, но пятилетняя Жасмин словно стояла передо мной. Михай, словно почувствовав, начал шевелить ногами, которые до этого висели, как безжизненные бревна.

– Да, да, молодец, Михай, молодец! – я был неимоверно рад такой неожиданной помощи и начал подбадривать его. – Двигай ногами, двигай. Вместе мы быстрее доберемся до берега!

Чтобы не потерять направление, приходилось часто поворачиваться, ориентируясь по солнцу. Мне снова захотелось увидеть место, где затонуло наше судно. Когда я обернулся, разглядел красное пятно.

– Посмотри туда! – я схватил Михая за волосы и повернул к пятну его голову.

Мне казалось, что Михай тоже испугается, но, как ни странно, он никак не отреагировал. Как будто все понимал.

– Это листы для пробы Гатри¹, – сказал Михай равнодушно, – ребята рассказывали. Это бумаги из баков Африма, – добавил Михай, увидев, что я ничего не понимаю, – это листы, пропитанные кровью младенцев... Я не знаю, зачем они нужны, но парни говорили, что если попадут в воду, океан окрасится кровью.

Более двух часов мы находились в ледяной воде, пробирающей до самых костей. Я определял время по солнцу. У Михая часто случались приступы кашля. Он бил руками по воде, и лицо его становилось синим, словно вода в океане.

Ниже пояса я ничего не чувствовал. У меня уже не было сил двигать ногами. Одной рукой я держал Михая за волосы лицом вверх, чтобы он не утонул. Он опять висел без движения, как безжизненный кусок мяса. Его глаза были закрыты, и только губы иногда шевелились. Я понимал его шепот. «Что он может говорить теперь, кроме молитв Богу, какие еще слова остались? Если я отпущу руку, он пойдет на дно».

Опять мне захотелось, оставив его, надеть спасательный круг и поплыть на северо-восток, в направлении, куда ушел Африм, и снова перед моими глазами встала пятилетняя дочь Михая. «Да, конечно, я никогда в этой жизни не встречу с его Жасмин, с девочкой с длинными ресницами в разноцветном цыганском платье. Зачем мне сейчас думать об этом?! А в другой жизни? Нет, что за бессмыслица, какая дру-

¹Проба Гатри (Guthrie) – анализ крови для определения фенилкетонурии (метаболизма аминокислот) у новорожденных.

гая жизнь? Другая жизнь находится здесь, на дне океана! А если эта девочка, когда вырастет, найдет меня и спросит про отца, тогда как? Да, конечно, можно соврать, ведь все равно фальшивых документов, которые я сделал за последние шесть месяцев, и ложных обещаний, которые я дал, когда брал в долг, хватит мне до конца жизни. Почему бы не соврать еще раз?! Ведь ложь появилась еще до Адама».

– Я умираю, – застонал Михай еле слышно, открыв через силу веки.

– Нет, нет, Михай! – я встряхнул его, – умирать нельзя! Ведь тебя ждет твоя дочка Жасмин!

Только теперь я четко понял, что смерть Михая неизбежна, и что я останусь один в этом бескрайнем океане. Я изо всех сил вцепился в его волосы и с криком потащил за собой:

– Умирать нельзя! Понимаешь, нельзя! – он, застонав, опять хотел что-то сказать, но неожиданно рядом с нами что-то сильно ударило о воду и заглушило его слова. – Что это было?! Что это?! – завопил я. – Это акула?!

Чтобы как-то успокоить себя, я, как безумный, снова и снова просил Бога: «Господи, Господи! Пусть это будет дельфин!» Ужас иглами растекался по моему телу. Поджав ноги к животу, я вертел головой. Я столкнул Михая со спасательного круга в воду, но все еще держал его за волосы. Пусть акула первым съест его. Кто знает, может, она насытится и уплывет?!

Михай говорил без остановки. Из потока его слов я разобрал только «умираю». Прижав ухо к его рту, я заорал:

– Что ты говоришь? Говори громче, не понимаю.

– Позвонишь моей жене... ее номер...

– Михай, – орал я на него, – теперь не до твоей жены! Мой мозг застыл! Как я могу запомнить номер телефона посередине океана?! Не надо, не говори! Сам позвонишь!

Глаза Михая остановились, как у умирающего человека.

– ...Тогда, – еле выплюнув воду, наполнявшую рот, отрывисто сказал он, – ...тогда напишешь письмо.

– Ладно, – сказал я, чувствуя прилив бешенства, – если акула не отгрызет мне руки, напишу.

– Напиши, чтоб не забывала меня.

Он не хотел сдаваться. Ни о чем, кроме как об акуле, в этот момент я думать не мог. Держась за круг, я как безумный крутил головой направо и налево, следил за каждым движением воды. Потом сообразил, что это бессмысленно. Опустив Михая по челюсть в воду, я осторожно поплыл.

Иногда, повернув голову, вытаращив глаза, подолгу смотрел на солнце, хотел впитать в себя как можно больше солнечных лучей. «Если бы самая дешевая в мире резиновая лодка оказалась здесь сейчас, – думал я, – залез бы в нее и, сняв с себя всю одежду, грелся бы на солнце!»

Вспомнив, что акула нападает на жертву снизу, часто обнимал спасательный круг и поджимал колени к животу. Как только останавливались отдохнуть, оглядывался вокруг, искал посверкивающую гладкую спину акулы. «Как же смешно утверждать, что человек – совершенное существо! О, если бы у меня было самое обыкновенное крыло! Пусть даже сломанное! Я бы летел, ударяясь о воду!»

В голове возникла мысль задушить, убить Михая. Это не так сложно; если погрузить его голову в воду и посчитать до тридцати, он отдаст душу, тогда в его жилах застынет кровь, и ... когда акула укусит его, кровь не вытечет и другие хищники не учуют ее.

Эта мысль так увлекла меня, что я, подтягивая к себе круг, начал stalkивать Михая. Я не хотел видеть пузырьки, которые появятся на поверхности с его последним дыханием.

– Нет! Не надо! – Михай вдруг начал биться, как человек в предсмертной агонии. – Умоляю, я не хочу умереть здесь... На берегу... – просил он.

Я отлично понимал, о чем он. Как было бы прекрасно умереть, когда хочешь, и там, где хочешь! Но Михай не понимал, что его смерть здесь и сейчас была моей единственной надеждой.

Я снова с трудом втащил его на круг. Теперь и руки, и голова Михая были над водой. Капли на его замерзшем и посиневшем от холода лбу сверкали под лучами солнца.

– О, Господи! – опомнился я и поплыл.

Я так старался, что даже на некоторое время забыл об акуле. Чем дольше не появлялась акула, тем больше я смелел.

– Давай, Михай, давай! Двигай хотя бы ногами! – приободрял я Михая, который под лучами солнца пришел в себя.

– Дельфин!!! – хором закричали мы.

Мне показалось, что наши голоса долетели до берега и вернулись обратно. Прямо перед нами два дельфина одновременно выпрыгнули в человеческий рост и ушли обратно в воду. Когда волна, созданная ими, накрыла меня, мне показалось, что я ныряю в теплые воды Каспийского моря на пляже в Пиршаги! И я, как бы приветствуя дельфинов, набрал в рот воды и с радостью фонтанчиком выпустил в океан.

От счастья я обнял Михая за шею. Второй раз за время нашего знакомства я видел улыбку на его лице. Как я ругал себя за то, что задумал убить его. «Нет, – я сказал себе, – во что бы то ни стало, я выведу этого несчастного на берег!»

Солнце было в зените. Хотя я не чувствовал тепла, солнце надо мной не давало угаснуть моей надежде.

– Если я умру, ты напишешь моей жене? – спросил Михай, когда я в очередной раз остановился, чтобы отдохнуть.

– Никогда! – решительно сказал я, – или мы вместе спасемся, или вместе умрем!

Я говорил это от души, обнадеживая Михая, что непременно спасу его.

– Нет, я не смогу спастись.

Михай, видимо, хотел сказать: «Нет, мы оба умрем здесь и станем кормом для акул». Возможно, не говоря вслух и о моей смерти, он пытался сохранить свою последнюю надежду.

– Тогда напиши моей сестре. Она очень красивая. Ее адрес...

– У тебя есть сестра? – перебил я его. – Ты о ней нечего не говорил.

– Да, есть, от второй жены отца. Очень красивая! – Михай произнес слово «очень», слишком растягивая. То ли он хотел зацепить меня, то ли действительно так восхищался своей сестрой, я не понял.

Для несчастных большое утешение знать, что они не будут забыты после смерти. Я знал об этом, однако только теперь, в момент, когда я сам был в смертельной схватке с океаном, я понял, что человеку, находящемуся в одном шаге от смерти, кажется счастьем умереть без мучений.

– Ладно, говори адрес, – боясь, как бы не лишиться последней слабой надежды Михая, я быстро добавил, – я просто так говорю; ты сказал, я спросил, все равно я выведу тебя на берег, сам напишешь письмо.

– Адрес простой: Мария, тире, 1975...

– Мария? Хорошее имя... Тире снизу или посередине?

– Снизу.

– Хорошо, Мария, снизу тире, 1975. Потом? Яху или хотмейл?

– Нет ..., интекс, точка, эй, эм.

Непроизвольно я повторил электронный адрес сестры Михая про себя. И вправду простой адрес.

– Ладно, нам пора, – сказал я, – шевели ногами, нам еще долго плыть.

Михай изо всех сил задвигал ногами и заулыбался как человек, который составил завещание и облегчил свою душу. Чтобы еще больше взбодрить его, я часто оборачивался к нему и тоже улыбался.

Неожиданно что-то застучало в голове. Остановившись, я рывком схватил Михая за горло, стал трясти его и яростно заорал:

– Как это точка, эй, эм, Михай?! – я даже сам удивился, сколько же силы было во мне. – Как это точка, эй, эм?! – вопил я. – Ты армянин?!

Все мое тело тряслось от ненависти. Я слышал лязг моих зубов.

Михай молчал. Он даже не попытался вырваться из моих рук. Вцепившись в круг, он закрыл глаза. Это взбесило меня еще больше. Вырвав круг из его рук, я оставил его на милость океана. Михай бил по воде руками, пытаюсь ухватиться за круг, который я отводил от него.

– Дочку... Жасмин... – отплеывая воду, забивающую ему рот, Михай делал глубокий вдох и, выдыхая, отрывисто умолял: – Жасмин ... пожалей..., Туран!

«Как славно быть одиноким в этом мире! – надменно думал я. – Тебе не приходится оправдываться и унижаться, прячься в тени своего ребенка». Я толкнул круг к нему. Он, изо всех сил схватившись за него, глубоко вздохнул. На его лице была жалкая смесь страха и благодарности.

– ...Значит, ты армянин, – сказал я с глубоким разочарованием.

– Да, я армянин, Туран, – ответил Михай по-русски, – ты – тюрк с момента крушения судна, а я только что стал армянином.

«Даже твое дыхание – ложь!» – хотел выплюнуть я, но, опомнившись, что мы оба в одинаковом положении, замолчал.

– И как твое настоящее имя? Армен или Хорен? – стиснув зубы, спросил я по-русски... Его кудрявые волосы теперь были мне противны, как волос, попавший в еду.

– Тигран, – ответил он просто.

Мы долго молчали. Чтобы отвлечь свои мысли от Тиграна, при каждом взмахе руки я стал громко считать по-тюркски. А он, держась за круг двумя руками, иногда, как рыба на последнем вздохе, еле шевелил ногами. Когда я уставал, переплывал на другую сторону круга и, оттолкнув руки Тиграна в сторону, менял заледеневшую руку, снова продолжая плыть. Я злился, сильно ударяя рукой о воду. В эти моменты Тигран робко и быстро смотрел на меня, затем снова отводил глаза.

Солнце клонилось к западу. Безнадежно, словно мать с ребенком на руках и без гроша в кармане, заблудившаяся в чужом городе, плыл я назад, к Тарифе. Падающие сзади лучи солнца подчеркивали безнадежность моего положения. «Тарифа, почему ты на востоке?!» – крикнул я. Сделал это, чтобы избавиться от бушевавшей внутри меня ненависти. Вдруг я подумал, что назад можно было плыть по-другому: немного на север, потом немного на восток. Видеть солнце слева хоть на короткое время было для меня жизненно необходимо. Даже если не догребем до Тарифы, то обязательно выйдем на сушу. Иногда я забывал, что рядом армянин.

Вдруг я почувствовал, что скорость движения возросла. «Странно! Может, мы попали в течение?» – пронеслась шальная мысль. Внутри возник страх. Нет, я ошибался. Это Тигран двигал ногами! Я понимал, что он делает это, стиснув зубы. Тем более, его поступок значительно охладил мой пыл. Мы остановились. «Видишь, – сказал я, – учишься плавать!» Он улыбнулся. Теперь его вьющиеся волосы уже не казались мне такими отвратительными. «Ну, двигай ногами! – я шлепнул его по спине.

– Вместе мы гораздо быстрее доберемся до берега».

Наше знание русского облегчило дело, но теперь нам было не о чем говорить.

– Сколько осталось до берега? – спросил Тигран.

– Не знаю, – бросил я сквозь зубы.

А на самом деле, сколько осталось до берега? Я попытался прогнать этот вопрос. Откуда я могу знать? Понимание времени и пространства изменилось. Может, берега вообще нет?! Нет, не может быть! Берег есть! Даже если мы не можем добраться до него, берег есть!

– Может, ты отдохнешь немного, а я поплыву? – Тигран говорил, сам вряд ли веря своим словам.

Кивнув, я двумя руками вцепился в круг. Мы плыли очень медленно, но все же продвигались! Приступ кашля вынудил Тиграна остановиться. Обернувшись, я смотрел на солнце. «Зачем ты такое бессильное?! Где твоё тепло! Уличный фонарь и то греет теплее!» – злился я на солнце.

Вдруг солнце затмилось. Наверное, в глазах потемнело от прямых солнечных лучей. Я быстро прикрыл глаза. Когда услышал звук, открыл их. Солнце было на месте.

– Вертолет! – закричал я. – Господи, мы спасены!

– Вертолет! – кричал Тигран. – Господи! Господи! Это чудо!

Мелкие волны, создаваемые лопастями вертолета, будили во мне кипящую кровь надежды.

Спасатели долго не понимали, что у нас не было даже сил ухватиться за веревочную лестницу, и потому громко ругались. Потом один из них, спустившись вниз, привязал меня к поясу и поднял в кабину. Затем таким же образом подняли Тиграна.

Нам налили спиртного; то ли виски, то ли бренди, и дали сухую одежду. С большим трудом я приставил стакан к трясущемуся подбородку и поднес к губам. После второго стакана внутри меня немного потеплело. Кабина была очень узкой. Во время переодевания мне пришлось держаться за плечо Тиграна, чтобы не упасть. Выданная нам одежда напоминала белую куртку-пиджаму¹, что-то подобное носили индийцы. То, что она похожа на саван, ничуть не беспокоило меня.

– А нижнее белье сменить? – прошептал мне на ухо Тигран.

– Да, смени. Если хочешь очистить свою душу, освободись от исподнего, – сказал я с иронией.

После двух стаканов алкоголя Тигран не смог уловить моего сарказма. Сев на корточки, он повернулся спиной ко мне и передел нижнее белье.

Один из спасателей, взяв нашу мокрую одежду и разрезав ножницами, впихнул в целлофановый пакет.

Перелетев над Тарифой, мы приземлились на востоке, в городе Гибралтар. Нас привели к зданию, на заграждении которого было написано: «Королевская полиция Гибралтара». Нас сфотографировали в одной комнате, затем отвели в другую, где взяли кровь из вены. Затем, засунув в рот палочку, похожую на палочку от мороженого, поковыряли в нёбе. После этого, приведя в следующую комнату, посадили рядом.

– Как ваше имя? – глядя в тетрадь, спросил полицейский, на погонах которого были три шеврона и непонятные надписи.

Потупившись, мы посмотрели друг на друга.

– Самет Тачи, – ответил я.

¹Курта – традиционная одежда в Пакистане, Афганистане, Таджикистане, Бангладеш, Индии, Непале и Шри-Ланке. Это свободная рубашка, доходящая до района колен владельца, которую носят как мужчины, так и женщины. Традиционно носится с kurta-pajama (лёгкими свободными штанами, затягивающимися на шнурке вокруг талии), шароварами, дхоти и с churidars; в настоящее время может надеваться с джинсами. Курта может быть как частью повседневной одежды, так и частью делового костюма.

Тигран сказал, что его зовут Михай Поллак.

Полицейский, посмотрев сначала на меня, а затем на Тиграна, спросил:

– Вы родственники?

– Нет! – ответили мы хором и, как прокаженные, схватив наши табуретки, отшатнулись друг от друга.

– Хорошо, – сказал полицейский и, уставившись в тетрадь, продолжил, – рассказывайте, откуда идете, куда путь держите?

– Мы ехали в Канаду, сэр, – одним духом выпалил я, – наши документы были в полном порядке, просто наше судно затонуло. Все, что мы имели, потеряли в океане.

– Так и есть, так и есть, сэр, – Тигран подтверждал мои слова, – мы потерпели крушение, произошел несчастный случай... Нам было очень холодно, сэр.

Мы легко ответили на вопросы полицейского об образовании, национальности, семейном положении и цели нашей поездки в Канаду. Он сделал заметки на листе, потом, приклеив на лист фотографии, которые принес другой полицейский, по телефону пригласил кого-то.

В сопровождении молодой женщины в форме и с пистолетом нас вывели в коридор и попросили подождать. Вскоре к нам подошел здоровенный полицейский:

– По приказу суперинтенданта¹ вы должны пройти через детектор лжи.

– Зачем?! – встревоженно спросил Тигран, – вы не верите нам, сэр?

– Мы никому не верим, – полицейский, глядя на лист в руках, на шаг приблизился к Тиграну, – мистер... Самет Тачи!

– Я не Самет Тачи, сэр, я Михай Поллак.

– Это твоя фотография?! – полицейский гневно поднес лист к лицу Тиграна.

– Да, сэр, моя.

– Значит, ты – Самет Тачи! – он с ненавистью посмотрел на Тиграна, затем на меня, – а это – Михай Поллак! Так написано в документах! Если у вас есть другой документ, покажите его, сверим.

Они ошиблись, приклеивая фотографии к листам. Мы сразу поняли это и замолчали.

Как только я сел перед детектором лжи, трижды повторил, внушая себе: «Я – Самет Тачи!» Офицер полиции, на погонах которого была королевская корона, задал мне вопросы-ловушки. Я волновался.

Я не смотрел офицеру в глаза, сосредоточив взгляд на отражении монитора в оконном стекле. Частые скачки амплитуды диаграммы детектора раздражали меня, биение моего сердца увеличивалось, выдавая меня еще больше...

Наконец, я сдался.

Я вышел в коридор. Тигран уже был там. Я чувствовал себя ужасно униженным. Как же он будет смеяться надо мной!

Теперь мы были в разных статусах: нелегал Туран Меликли и законопослушный Михай Поллак.

– Констебль², проведите мистера Турана Меликли и мистера Тиграна Сафаряна вниз! – скомандовал одной из охранниц офицер с короной на погонах, допрашивавший меня на детекторе лжи.

«Тигран Сафарян! – меня пробрало до мурашек. – И тебя хорошо обработали», – мстительно улынулся я.

Нас отвели в подвальное помещение, напоминавшее клетку, разделенную по полам стальной сеткой в человеческий рост. В каждой камере было по две кровати. Нас развели по одному и заперли.

¹ Суперинтендант – звание старшего офицера в британской полицейской системе.

² Констебль (constable) – начальное звание в британской полицейской системе

Я подошел к одной из кроватей, но лечь боялся. Мне казалось, стоит лечь, и опять начнется: снова нужно плыть. Я долго расхаживал по своей тюрьме. Тигран, наоборот, сразу же улегся лицом к стене. «Эх, если бы он был Михаем, ... поговорили бы, скоротали бы время», – подумал я.

– Туран, ты взял мой нож? – раздался шепот Тиграна.

– Они забрали его. А что, не можешь без ножа?

– Хорошо, что забрали, – сказал он расстроенным голосом.

Я сильно проголодался. «Если б здесь был сыр с луком, завернутый в горячий лаваш...» Я проглотил слюну. Сев на кровать, обхватил голову руками. И погрузился в отчаяние.

– Как ты думаешь, они дадут нам поесть, Туранджан? – спросил Тигран.

– Не знаю! – рассердился я. – И вообще, послушай, не называй меня Туранджан!

Он немного помолчал. Затем сказал:

– У нас, когда берут кровь, хотя бы дают сладкий чай.

Я не отвечал. Тигран встал с кровати и подошел к железной перегородке:

– Если бы не ты, я был бы мертв сейчас. Спасибо.

– Бывает, – сказал я и лег на кровать. У меня не было ни малейшего желания разговаривать с ним. Но от безысходности я был вынужден общаться с Тиграном, чтобы попытаться как-то найти выход из неопределенности, в которой мы оба очутились. – Эй, Тигран, послушай, ты из какой части Армении?

– Аракел, – ответил Тигран, не открывая глаз.

– Я не спрашиваю имя твоего отца, я спрашиваю, откуда ты? Из Еревана?

– Нет, – он снова повторил сказанное, – я из Аракела.

Я, подумав, что он от пережитого потерял память, покачал головой. Тигран, заметив мое молчание, добавил:

– Аракел – это название деревни, название нашей деревни, где я родился.

– Название деревни? Да? А где эта деревня? – спросил я.

– В Гадрутском районе.

Я подпрыгнул, как ужаленный.

– Гадрут?! Ты издеваешься надо мной, придурок! ... Не шути так!

Он молчал.

Я сел.

– Ты говоришь, что из Аракела?! В Гадруте нет деревни с названием Аракел!

– Есть, по соседству с Джебраилом, совсем рядом с Джебраилом.

– Что?! Джебраил? Не может быть! – меня охватил идиотский смех. – Я из Джебраила! – я ринулся к железной перегородке камеры.

– Вот видишь... – Тигран отодвинулся и прижался к стене, но я не понял, что он хотел этим сказать.

– Чего я вижу? – я стал трясти перегородку.

– Ты из Джебраила, а я из Аракела. Их уже нет...

– Нет, есть! Сукин сын! Джебраил есть! Не знаю, стоит ли еще твой проклятый Аракел, но мой Джебраил есть, он существует! Здесь! – я задрал курту-пижаму, ударяя себя в грудь, где сердце.

Тигран молчал, прижавшись к стене. Если бы он хоть что-нибудь ответил, я бы разорвал его. «Будь проклят, дьявол!» – мысленно выругался я и лег на кровать, накрыв голову подушкой.

«Интересно, где сейчас Ислам-киши? Жив ли он? Если жив, то, наверное, опять зовет с холма своего сына Самеда», – я хотел было прогнать эти мысли и заснуть. Но не мог. Долго ворочался. Живот мой беспрестанно урчал. Я снова сел на кровати.

– Что ты называешь Аракелом? – я спросил Тиграна, который по-прежнему стоял, прижавшись к стене. – Может, ты говоришь про Аракюль?

– Да. Вы называете нашу деревню Аракюль, мы – Аракел.
– Не болтай, – повысил я голос, – ее настоящее название – Аракюль.
– Нет, Аракел! – Тигран топнул ногой, как упрямый ребенок. – Все равно теперь наша родина превратилась в пустыню. Вы разрушили наши дома, мы – ваши.
– Ваши подлецы начали это дерьмо, – заорал я, – а мы только ответили! Первыми ваши начали убивать нас. Что мы могли поделать?!

– Я никого не убивал!
– Может, я кого-то убил?!

– А кто убил моих братьев?
– А кто убил моих? Знаешь, как ваши убили моего двоюродного брата?! Знаешь, какой он был умный?! – горечь сдавила мне горло, слезы навернулись на глаза, – знаешь, какой он был красивый?! У него были золотые руки! Ваши содрали кожу с его головы уже после того, как убили! – я ударил кулаком о стену. – Вот, вот этими руками я перевязывал ему голову.

Тигран опустил голову. Его плечи тряслись от плача.

– Мой брат был убит выстрелом вашего снайпера, пуля попала ему прямо в горло, – заговорил он, задыхаясь, – мы его только что женили... У него не было половины лица, ... мы едва распознали его труп... – отвернувшись к стене, Тигран зарыдал. Слезы вызвали сильнейший приступ кашля. Он совсем выбился из сил. Кое-как дополз до кровати и лег, закутавшись с головой в одеяло.

Я вытер слезы и закрыл глаза, уткнувшись головой в подушку.

В комнате не было окон, потому мы не могли определить время. Проснувшись, оба сидели на кроватях и с нетерпением смотрели на дверь. Ждали еды. От голода я весь трясся.

– Тигран, как бы ты хотел умереть? – я хотел выместить зло на Тигране.

Он тут же ответил, как будто давно ждал этого вопроса:

– Во сне. Под лохом, во сне. А ты?

Я много думал о том, как бы мне хотелось умереть. Выбирая из лучших вариантов, остановился на одном: я предпочел бы умереть в стволе самой большой пушки мира. Но теперь мне не хотелось говорить об этом Тиграну, и я ответил коротко:

– В дождливый весенний день под джиддой.

Дверь заскрипела. Мы оба вскочили с места. Охранница бросила сэндвичи и бутылки колы через железную решетку на наши кровати, как бросают кость собаке на привязи. Мы жадно схватили сэндвичи и мгновенно проглотили их.

– Подойди ближе! – позвала она меня.

Я подошел. Она вытащила из кармана фонарик и, направив на меня свет, посмотрела сначала на меня, а потом на фотографию у себя в руках.

– Почему вы сбрили бороду? – она спросила.

– Что? Бороду?! У меня сроду не было бороды, мадам, – сказал я.

– Да, конечно же, я уверена, что вы не родились с бородой! – насмешливо сказала женщина.

Затем она осветила фонарем лицо Тиграна. Задала ему тот же вопрос.

– Я носил бороду только в дни траура по брату, – повел плечами Тигран.

– Да?! – женщина немного оживилась. – Значит, у вас была борода?!

– Да, одну-две недели. В траурные дни. У нас такой обычай, мадам.

– Гм-м, ясно, знаю, у всех мусульман такой обычай, – она говорила, как подросток-всезнайка. Тигран заерзал на месте, но промолчал.

Женщина-полицейский вышла.

– Зачем она нас допрашивала? – спросил Тигран.

Я молча повел плечами.

– Может, она перепутала нас с какими-то рыбаками?

Наступила тишина. Я открыл бутылку о ребро решетки. Тигран, посмотрев на меня, сделал то же самое. Прислонившись к стене, я смаковал колу. Настроение улучшалось. Вспомнил, как вместе с одноклассниками ездили в Сирик к Медвежьему роднику. Приготовили вкуснейший тике-кябаб. Было много кизиловой водки. Водка особенно хорошо шла под соленые зеленые помидоры с перцем.

– Тигран, в Аракюле была одна женщина, Ануш ее звали, не знаешь, она жива? На джебраильском базаре самые вкусные соленые помидоры были у нее.

– Да, жива, – ответил Тигран, – живет хорошо. После того, как ее сыну Карену дали орден «Национальный герой», они переехали в Ереван.

– Что ты сказал?! Карен – национальный герой? – я вскочил с места. – Этот мерзавец – национальный герой?! ...Да ты знаешь, сколько детей он убил?!

Меня трясло от ненависти. Все ругательства, какие только знал, посыпались на голову Карена... Утомившись, сел. Вспомнил, что каждый раз, когда в Джебраиле распространялась весть о новом убитом, женщины, надрывно крича и вырывая волосы, бежали по улице...

От удара в висок у меня потемнело в глазах.

– Твою мать, шакал! – я застонал, схватившись за голову. Прислонился к стене.

Кровь, стекая по плечу вниз по одежде, капала на кровать.

– Это тебе за то, что ты посмел обругать моего двоюродного брата, сволочь! – услышал я гневный крик Тиграна.

Мою голову сковала тупая боль. По телу расползлось сладковатое тепло. Как сквозь вату до меня доходили ругательства Тиграна. С потерей крови мне становилось все хуже. Надо было кричать и звать на помощь – я понимал это, но боялся, что от напряжения кровотечение усилится. Присев на корточки, вслепую нашел уроненную бутылку колы и сунул под подушку. Стянув простыню и скомкав ее, зажал рану. Не помню, сколько времени прошло. Когда остановилась кровь и немного утихла боль, я просунул руку под подушку... Тигран, держась за голову, бегал по камере, пытаясь уйти от удара.

Одновременно с ударом бутылки по его голове открылась дверь. Крик Тиграна смешался с воплем женщины-охранника. Прибежали еще два охранника.

– Эта сволочь ударила меня! – простонал Тигран, держась за голову.

Один из охранников, быстро открыв замок, зашел в мою клетку и надел на меня наручники. Я не сопротивлялся.

– Что с вами случилось? – увидев засохшую кровь на лице, спросил полицейский.

– Он сам себя ударил! – писклявым голосом закричал Тигран, тыча в меня пальцем.

– Лжет! Он первым ударил меня, – сказал я беспомощно. – Ни с того, ни с сего двинул меня бутылкой колы по голове.

– Он поносил нашего национального героя, сэр, он очень непристойно ругался! – сказал Тигран тем же писклявым голосом.

Позвали медсестру. Перевязав раны, отвели нас наверх, к суперинтенданту с короной на погонах. Мы стали рядом. Наши лица были залиты кровью. На наших куртах бурели пятна высохшей крови. Суперинтендант долго разглядывал нас...

– Сколько надо убить, чтоб у вас дали национального героя? – спросил он.

Я победно посмотрел на Тиграна, ведь вопрос был адресован ему, а не мне. Тигран опустил голову. Я тоже опустил глаза, чтобы мне не задали тот же вопрос. Я подготовил ответ: «Война! Война! Проклятая война!»

Начальник полиции с короной на погонах, указав на нас, обратился к одному из констеблей:

– Как обстоят дела с ними?

– Мы проводим расследование, сэр, – ответил констебль, – мы отправили информацию в Интерпол и завтра получим ответ. Я не сомневаюсь, что ответ будет положительным.

– А как насчет других?

– Мы доставили их на станцию, сэр, мы сделали так, как вы приказали.

– На всякий случай, – сказал начальник, – отправьте их мазки в лабораторию, пусть пропустят через секвенсор.

– Будет сделано, сэр!

Слово «Интерпол» окончательно испортило мне настроение. «Да, я человек, который ненавидит законы и который хочет избавиться от нужды, но я не преступник. Нет! Я не совершал никакого преступления», – убеждал я себя.

Украдкой поглядывал на Тиграна: хотелось узнать, о чем он думает. Его лицо было безразличным. Я вспомнил такое же выражение лица у взятого нами в плен армянского солдата, к виску которого мой товарищ из Ходжалы приставил дуло автомата.

Нас развели по разным камерам..

Я был рад, что больше никогда не увижу Тиграна.

На следующее утро, когда уходил принесший мне на завтрак пластиковые коробки с едой полицейский, я схватил его за руку:

– Сэр, пожалуйста, объясните мне, что означает «пропустить мазок через секвенсор»?

Полицейский, оттолкнув меня, задвинул наружный затвор двери.

Каждый день они надевали на меня наручники и выводили на час на прогулку, во время которой констебль следил за каждым моим движением. Меня бесило не наличие наручников, а то, что он не сводил с меня глаз, улыбаясь деланной улыбкой каждый раз, когда наши глаза встречались.

Два дня я не видел Тиграна. Я понимал, что нас держат отдельно во избежание инцидентов.

Однажды ночью мне приснился Тигран, сидящий в кафе Гибралтара, смакующий пиво и с ухмылкой смотрящий на меня.

«Ясен пень! – резко проснувшись, подкочил я на кровати, – да, конечно, он же христианин, а я мусульманин. Известное дело, эти хитрые склочники англичане втихомолку выпустили своего христианина!»

Рана все больше беспокоила меня. От злости и боли я не мог заснуть и до утра расхаживал по комнате, ругая христиан последними словами. И чувствовал некоторое облегчение. Теперь мне было все равно, есть на свете человек по имени Тигран или нет...

В одно утро открылась дверь. Она не закрипела, как всегда; открылась тихо, без звука. Выражение на лице констебля также было другое – мягкое, внимательное. Возможно, мне это казалось, я не знаю. Возможно, из-за того, что я долгое время находился в четырех стенах, научился разглядывать глубокое, нежное в грубых голосах, в суровых чертах. Рана на моей голове затянулась коркой. Только немного чесалась, но уже почти не беспокоила меня.

Констебль поманил меня рукой. На этот раз не надел наручники. И шел он не позади меня, а рядом. Я повернул голову и улыбнулся ему. Он тоже улыбнулся.

Мы остановились у знакомой двери суперинтенданта. Констебль проводил меня внутрь, а сам остался в коридоре.

Суперинтендант с короной на погонах копался в папке. Я поздоровался. Он не ответил. Теребя рукава курты, я простоял на ногах довольно много времени. Чем дольше суперинтендант не поднимал головы, тем больше я нервничал. Злость поднималась изнутри и скапливалась в горле. Не выдержав, я взорвался:

– Сэр, я прекрасно понимаю все ваши игры!

Суперинтендант оторвал глаза от папки:

– Правда?! – и он опять уставился на листы бумаги. – Очень интересно.

– Вы христианский фундаменталист! – я не повысил голос, но чтобы сказанное мною прозвучало строже, стиснул зубы и представил себя облаченным в *toga candida*¹ римским сенатором, раскрывающим секреты двора. – Знаю я вас! – возвестил я, – вы держите меня здесь, потому что я мусульманин! А своего христианина давно выпустили! – иронично намекая движением кисти, что Тигран был выпущен через черную дверь.

Поскольку голова суперинтенданта была опущена, я не мог увидеть выражения его лица, услышал только странный свист. Это еще больше разозлило меня. Только я собрался напомнить им, каким коварством они отняли у испанцев Гибралтарский залив, как открылась дверь. Констебль ввел Тиграна с перевязанной головой и с порванным подолом курты. Выглядел он ужасно: множество ран, голени в кровоподтеках, на ступнях виднелись продолговатые синие пятна, которые начали чернеть.

Я долго смотрел на Тиграна, потом – на суперинтенданта. Тот не мог видеть моего взгляда, но по его тихому свисту, подобному писку чайки, я понял, что он чувствует его.

Шагнув вперед, Тигран замер. Я отступил на шаг.

– Оба стойте здесь! – ткнул пальцем полицейский.

Мы, нехотя, не глядя друг на друга, медленно подошли к столу.

– Вы, – суперинтендант указал на Тиграна, – оказали сопротивление Гибралтарскому Королевскому полицейскому. – Можете объяснить причину?

Тигран, опустив голову, произнес после долгого молчания.

– Я устал, сэр, очень устал ... простите, – сказал он.

Суперинтендант опять издал что-то подобное писку чайки. Он вызвал еще одного полицейского. Тот, расположившись справа от суперинтенданта, держа раскрытую папку, зачитал: «Из Международной Организации Криминальной Полиции. Лион, Франция. Пятница, 9 мая 1997. Гибралтарскому Королевскому Полицейскому Управлению. Уважаемые коллеги, мы хотели бы сообщить вам, что отправленные нам результаты анализа ДНК, проведенного методом «дот блоттинг»...

На этом месте полицейский, хихикнув, обратился к суперинтенданту:

– Сэр, может, не стоит это читать?

Тот взял бумагу у полицейского, прочел, посмотрел на него, подвигал желваками и произнес:

– Гмм, нет, не читайте.

Полицейский продолжил: принадлежащих двоим... хм-хм-хм, именуемым господин Туран Меликли и господин Тигран Сафарян ... не совпали ни с одним из ДНК профилей террористов, находящихся в нашей базе данных. Всегда ваш...подпись, печать».

«Не совпали... Как могло быть иначе?! Террористическими могли быть признаны только мои сны! Вряд ли этот с короной на погонах мог это провидеть».

Искоса посмотрел на Тиграна. Он молча стоял, как истукан.

– Вы нанесли ущерб британским налогоплательщикам в размере шести тысяч фунтов, – выпалил суперинтендант, не глядя на нас. – Кто будет оплачивать?

Мы опустили головы.

¹*Toga candida* – отбеленная мелом тога, которую носили политические кандидаты в Древнем Риме.

– Нам тоже нанесен ущерб, сэр, – сказал я, – мы заработаем и вернем вам деньги. Клянусь, сэр! – я взглянул на Тиграна. Он согласно кивал.

– Мы заплатим сторицей, сэр, – затараторил вдруг он. – Мы отработаем... Мы многое умеем... Можем спасать людей...

– Вы будете депортированы в вашу страну и, к тому же, немедленно! – суперинтендант прервал его, – а теперь – идите! – он тыльной стороной руки замахал нам на дверь, как будто отгонял кур, и засвистел.

Первым Тигран, я за ним поплелся к выходу.

– Одну минуту! – вдруг окликнул нас суперинтендант. – Вот послушайте, – сунул он нам бумагу, – здесь есть кое-что для вас интересное. Вдруг вам пригодится. Все равно я никогда больше не увижу ваши глупые физиономии, – хотя он произнес последние слова еле слышно, во мне они прозвучали набатом.

Суперинтендант, призадумавшись, спросил:

– Вы говорили, кто вы по национальности?

– Тюрк!

– Армянин!

– Послушайте, этот документ говорит совсем другое, – он бросил в нас бумагу с печатью. Она спланировала прямо к нашим ногам. Эта информация основана на исследовании вашего полного генома, господи кавказцы. Вы..., по документам, – пристально глядя мне в глаза, наконец, произнес суперинтендант, – ...вы... египтянин.

Я пытался возразить, но мое бормотание было прервано его свистом.

– А вы, – он указал на Тиграна, – потомок древних гуннов.

Попытка Тиграна возмутиться также была заглушена свистом чайки.

– Подготовьте господина Рамзеса и господина Атиллу к депортации! – суперинтендант хлопнул рукой о стол и встал.

Прежде, чем доставить в гавань, нас отвели в комнату, наполненную поношенной одеждой. С удовольствием содрал с себя «саваны», мы выбрали по паре рубашек и переоделись.

Нас подняли на борт судна и разместили в разных каютах прямо в наручниках, поставив надзирателя у дверей. Наше будущее было очевидно: они везли нас туда, откуда мы бежали ...

Мне оставалось только наблюдать монотонные удары о борт равнодушных пенных волн.

По соседству кто-то, раздражающе фальшивя, громко пел «Аве Марию».

Приштина – Тирана, 2004 – 2006